

УДК 94(47).02

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2020 г.

М.Л. Лавренченко

Музей архитектуры им. А.В. Щусева, Москва

lavrenchenko1@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.05.2020

Приводятся результаты систематизации случаев употребления терминов родства в древнерусских летописях домонгольского периода в непрямом значении, в том числе по отношению к политическим союзникам, между лидерами двух альянсов в конфликте, в период мирного взаимодействия и др. Характер использования этих слов демонстрирует высокий уровень динамики и вариативности, а также общую направленность на конструирование и укрепление горизонтальных связей. Судя по изученным текстам, многие князья вырабатывали свою индивидуальную манеру использования родовой лексики: некоторые пользовались ею очень скупо или, наоборот, необычайно полно, что дает возможность по-новому осмыслить давно изученные конфликты домонгольского времени.

Ключевые слова: термины родства, искусственное родство, сконструированное родство, родовая лексика, социальные практики, средневековые ритуалы, Киевская летопись, Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись.

Чем дальше по временной шкале отстоит от нас общество, тем более жесткими представляются его порядки. Социальная структура, основанная на стройной иерархии, часто по умолчанию берется за основу при изучении практически любого средневекового социума – такой подход, вероятно, связан с экстраполяцией порядков римского семейного права на государства, формирование которых происходило на руинах империи, что, очевидно, не вполне правомерно. Более того, при изучении социальных структур скандинавских стран Мюленграхт Соренсен отмечал, что клановая конкуренция элит, усиливающая вертикальные отношения и характерная для густонаселенных территорий с благоприятным климатом периода раннего и развитого Средневековья, ослабевает, а порой и полностью уступает место практикам, направленным на укрепление горизонтальных связей вокруг активно действующих лидеров в северных землях, где поселения находятся далеко друг от друга, а внешние условия значительно более суровы [1, p. 22].

При обращении к общественным устоям древнерусского общества домонгольского периода в фокусе внимания историков оказывается главным образом княжеская семья, относительно подробные детали об отношениях между членами которой попадают в летописные статьи, повествующие о событиях XI–XII вв. В отечественной историографии поиск свидетельств развития иерархического взаимодействия, построенного по принципам, которые схожи с западноевропейской системой отношений (традиционно называемых вассально-ленными),

всегда занимал значительную часть исследовательской работы.

Дореволюционные историки, наряду с выделением принципов княжеской иерархии, основанных на концепции главенства (*старейшинства*) киевского князя, все же признавали ведущую роль порядков, укрепляющих горизонтальные отношения между членами правящей семьи, особенно в XII в., на что указывает и активное развитие «договорных отношений»¹ вплоть до окончания этого периода [2, с. 100–101].

В парадигме советской исторической науки жесткие рамки, задаваемые необходимостью не только придерживаться марксистского подхода, но и обосновывать в каждой публикуемой работе его справедливость, закрыли путь для дальнейшего развития этого направления. Между тем в немецкой медиевистике на волне кризиса классического позитивизма и появления целого ряда новых подходов во второй половине XX в. широкий резонанс вызвал метод исследования социальных практик и средневековых ритуалов Герда Альтхофа и его последователей [3; 4, p. 71–85]. Поставив во главу угла изучение динамичных, легко изменяющихся (но активно использующих стереотипные стратегии в новом качестве) способов социального взаимодействия, историки этого направления смогли охватить те аспекты жизни средневекового общества, которые ранее оказывались за рамками прицельного поиска идентификаторов более высокого и низкого положения политического деятеля. Исследуя ритуалы, многие медиевисты рассматривают их не как демонстрацию сложившегося порядка вещей при помощи симво-

лических жестов, а как продолжение – на основе дипломатических навыков – социальной игры, результат которой не только не был предопределен, но наравне с другими событиями влиял на конечный исход [5, р. 5].

Если мы посмотрим на описания княжеского взаимодействия Рюриковичей XII в., представленные в летописях, то увидим не так много особенностей, которые можно было бы отнести к свидетельствам существования в домонгольской Руси жесткой, вертикально ориентированной структуры. Так, П.С. Стефанович отметил, что летописные тексты не содержат сведений о бытовании тех или иных форм присяги или клятвы верности между князьями и дружинниками [6, с. 267–269], упоминания о наследных правах распространяются на владение землей, но не затрагивают личных отношений². В отличие от западноевропейских монархов, титулатура которых отличалась разнообразием, все русские правители назывались *князьями*, что становилось проблемой для западноевропейских хронистов, которые нередко именовали *королем* (лат. *rex*) киевского князя, чтобы подчеркнуть его отличие от других Рюриковичей – *князей* (лат. *princeps, dux*)³. Русские источники однозначно свидетельствуют о том, что в действительности различий не существовало, причем летописцы были прекрасно осведомлены об иерархии правительственных позиций у соседей, т.е. несхожесть систем осознавалась уже в интересующую нас эпоху.

При отсутствии прямых свидетельств иерархического порядка, действовавшего среди членов правящей верхушки, внимание исследователей концентрируется на родовой терминологии, активно использовавшейся в диалогах Рюриковичей в непрямом значении, как правило, в роли обращений и в составе устойчивых словосочетаний. К концу дореволюционного периода изучения истории объяснение феномена употребления родовой лексики при помощи «родовой теории» С.М. Соловьева [10, с. 16–18] было раскритиковано Я.А. Голяшкиным [11, с. 211–285], а вслед за ним – А.Е. Пресняковым [2, с. 89–101], которые в поиске дополнительной аргументации постарались ввести в научный оборот значительно большее число случаев ее использования Рюриковичами и показать взаимосвязь применения данной лексики с развитием договорных отношений в XII в. К сожалению, их идеи не получили дальнейшего развития, так как в советский период термины родства в диалогах русских правителей рассматривались историками исключительно как идентификаторы положения князя в системе вассально-ленных отношений, как того требовал официальный марксистский подход [12, с. 57; 13, с. 55–56].

Обращаясь к изучению терминов родства, важно отметить, что поскольку русские правители домонгольской эпохи состояли между собой в близком кровном родстве или были связаны через брак близких родственников узами свойства, то большинство терминов родства, использованных в роли обращений, не может быть рассмотрено вне рамок семейного этикета. Например, именованья зятя *сыном*, брата сестры или мужа – *братом*, а тестя – *отцом* сохранились вплоть до сегодняшнего дня во многих славянских традициях. Не удивительно, что они регулярно встречаются и в летописных диалогах без каких-либо дополнительных пояснений как естественная часть внутрисемейного взаимодействия [7, стб. 684, 752, 753, 874; 14, с. 54].

То же самое можно сказать и об использовании обращений *отец* к дяде, *сын* – к племяннику (например, [7, стб. 343, 477, 479, 487–488, 667, 692–693]), хотя такие элементы этикета в меньшей степени характерны для современных обществ. Термины родства *отец, брат, сын*, примененные в летописных княжеских диалогах в качестве обращений в родственных ситуациях, указанных выше, не сопровождаются никакими дополнительными пояснениями о том, почему тот или иной правитель был назван соответствующим образом; в повествовательном тексте, ближайшем к диалогу, как правило, бывает использовано обычное для такого контекста слово – например, *дядя, племянник, зять, тесть*. Никакие другие обращения между князьями в древнейших русских летописях, кроме терминов прямого кровного родства, слов *сват* и *господин* попросту не использовались⁴, поэтому выделять какие-то специфические социально-политические смыслы их применения мы можем лишь при наличии дополнительной информации.

Кроме того, термины родства в летописных текстах, повествующих о событиях XII в., широко применялись в составе устойчивых формул (например, «*быти всимъ за одинъ братъ*» [7, стб. 366]), в качестве дополнительных указаний, педалирующих идею родства в дружеских соглашениях (например, «*братъ ваю, а мои отьць*» [7, стб. 331]), и некоторых более сложных ситуациях (например, в торжественных речах при проведении обряда, устанавливавшего между двумя князьями отношения «отца и сына» [7, стб. 399–400, 417–418]). Наполненность княжеских договоров родовой лексикой в сравнительной перспективе выглядит органично, так как исторически именно термины родства тесно связаны с военными: концепт воинского братства, фратрии был одним из важнейших в предшествующие эпохи в общеиндоевропейском контексте.

Если же мы обратимся к тем летописным эпизодам, где напрямую упоминается о более высоком или низком положении того или иного князя, то увидим, что здесь применяются совершенно другие слова: *младший* и *старший* [7, стб. 302, 367] – хотя и в таких ситуациях речь идет чаще не о признании определенного места правителя в иерархии, а про обоснование покровительства младшему члену рода и избегание военного конфликта. Например, Юрий Владимирович отказывается продолжать осаду Мстислава Изяславича во Владимире: *«зане онъ мниши боуда, не покорить ми ся, а язъ не радуюся о погыбели его»* [7, стб. 487].

Итак, родовая лексика, столь распространенная в диалогах Рюриковичей, чаще всего использовалась в роли обращений и как часть устойчивых формулировок в составе прямой речи, она отсутствует в ситуациях, где напрямую говорится о более высоком или низком княжеском статусе действующих лиц. Значит ли это, что термины родства не входили в политический язык Рюриковичей домонгольской эпохи?

Как раз наоборот – признание реальности тех обязательств, которые накладывали родственные узы (настоящие и сконструированные), было важной частью взаимодействия русских князей, однако социальный смысл их использования заключался не в выстраивании жесткой и цельной вертикальной иерархической структуры, а в создании и укреплении горизонтальных связей, основанных на взаимной поддержке, будь то стремление привлечь в свою коалицию максимальное количество не задействованных ранее (или имеющих связи с обеими сторонами противостояния) нейтральных игроков, выстроить головокругительную политическую карьеру, обеспечить надежный тыл перед готовящимся нападением или удачно разрешить конфликт, причем таким образом, чтобы акт примирения не мог считаться проявлением слабости со стороны его инициатора⁵.

Именно в ходе развертывания конфликта все инструменты социального взаимодействия использовались наиболее виртуозно, а благодаря тому, что ситуация быстро менялась, мы можем проследить этот процесс в динамике. Самый длительный и наиболее детализированно изложенный в летописном тексте конфликт домонгольского времени – это противостояние Изяслава Мстиславича с дядей (единокровным братом отца) Юрием Владимировичем, прозванным впоследствии Долгоруким, в описании которого мы можем увидеть такие ситуации, как добровольный переход союзника из одного лагеря в другой, капитуляцию, участие посредников в конфликте, проследить внешние различия

в степени доверия и близости сподвижников к лидеру, живой процесс поиска формулировок, которые наиболее четко отражали бы общие интересы участников.

Информацию о том, как развивались события, содержит наиболее пространственный древнерусский источник – Киевская летопись, сохранившаяся в составе Ипатьевского и других более поздних списков. Сам по себе текст летописи, несмотря на цельность повествования, отличается неоднородностью: в нем соединены обширные части киевского повествования, содержащие множество деталей и диалогов правителей⁶, более сухой и обобщающий текст, близкий к Суздальской летописи (сохранившейся в Лаврентьевском списке) или повторяющий ее черниговские вставки; не исключено также, что в нем присутствуют тексты, созданные в Галицкой земле. Именно благодаря разнородности предполагаемых источников Киевской летописи, в ее составе сохранились значительные пласты текста, описывающие ход событий как со стороны Изяслава Мстиславича, так и со стороны ближайших его противников: Святослава Ольговича, Юрия Владимировича и его сыновей. И хотя объем информации и степень детализации в этих повествовательных нитях не тождественны (наиболее пространственные фрагменты содержат рассказ со стороны Изяслава), используя материалы и двух других летописей домонгольского периода, повествующих о тех же событиях – Лаврентьевской и Новгородской первой, можно высказать некоторые предположения.

Прежде всего, важно отметить, что крестные целования русских князей, несмотря на их политическую природу, лишь очень условно можно назвать «договорами», так как это понятие не учитывает их ритуальную составляющую, существенную для понимания сути отношений. Принесение клятвы на кресте способствовало конструированию общества, построенного на доверии, обещание давалось как вечное. Лишь к второй трети XII в. в словах, произносимых при целовании креста, появляются хронологические и географические рамки, а также другие детали, что приближает их к полноценному политическому договору. Обряд крестного целования был семантически перформативной устной практикой, служившей основным инструментом наращивания и цемнтирования социальных связей. Важнейшими его характеристиками были упомянутая устная форма и максимальная вовлеченность всех участников политической ситуации, присутствие которых давало относительную гарантию того, что политическое лицо, принесшее клятву, будет ее придерживаться. Летописные тексты сообщают об участии в крест-

стоцеловании горожан, бояр, епископов [7, стб. 399, 510, 523].

Сущность клятвы обрисовывалась в самых общих чертах и была тесно связана с концептом княжеской, братской любви: *«цѣловаста хръсть межю собою на всеи любви»* (Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович) [7, стб. 498], прямые отсылки к обряду дополняли риторичность княжеского взаимодействия, например, в словах Мстислава Изяславича Владимиру Мстиславичу: *«брате, хръсть еси цѣловаль, а и еще ти ни оуста не осохла»* [7, стб. 536].

Именно клятвенная природа сути соглашения часто становилась причиной конфликта, так как при отсутствии понятных и четко определенных рамок одно соглашение часто вступало в противоречие с другими. В такой ситуации проявляется еще одно важное свойство княжеского крестоцелования XII в.: несмотря на неопределенность формулировок, свидетельствующих, казалось бы, о вечности соглашения, его действие легко прекращалось как самими участниками при помощи возврата крестоцеловальных грамот (*«Петрь же, положи ему грамоты, крѣстьнѣя, лѣзе вонъ»*) [7, стб. 462]⁷, так и, при необходимости, священником, который снимал со своего князя обязательства: *«а нынѣ азъ снимаю с тебе крѣстное цѣлование, и взимаю на ся»* (митрополит Никифор – Рюрику Ростиславичу [7, стб. 684]).

Для понимания природы крестоцелования важно отметить дуальность ее духовной и практической (политической) составляющей [18, р. 137]: сакральный предмет, на котором приносилась клятва, также был свидетелем свершающегося действия и мог потребовать ее выполнения или покарать отступника. Например, крест Св. Стефана, на котором при посредстве венгерского короля галицкий князь Владимир Володаревич поклялся Изяславу Мстиславичу, стал, с точки зрения летописца, причиной гибели этого князя после его отказа от исполнения обязательств [7, стб. 452, 461–462].

Конфликт: приобретение союзников

При рассмотрении длительного противостояния Юрия Владимировича с племянником Изяславом, обращает на себя внимание непропорциональность употребления терминов родства в непрямом значении лидерами каждой из сторон конфликта. Изяслав Мстиславич использует слово *брат* семь раз, обращаясь не к родному брату, пять раз – слово *сын*, сам именуется *сыном* или *братом* и *сыном* двумя князьями, он лично применяет обращение *отец* по отношению к одному Рюриковичу и другого ставит «в

отца место» [19], а также задействует в своих посланиях большое разнообразие формулировок, содержащих метафору родства, в т. ч. сравнительные обороты, повторы, педалирующие идею родства, развернутые риторические формулы.

Его соперник, Юрий Владимирович, значительно более сдержан: он обращается и к своим союзникам, и к своим противникам, используя слово *брат* (по одному разу употребляет слово *сын* и сочетание *сын и брат* [7, стб. 339, 380, 388]⁸), в других формах родовая лексика в его посланиях не представлена.

Причина различной социальной стратегии двух лидеров, проявившаяся в характере взаимодействия, кроется в особенностях тех процессов, благодаря которым они были вовлечены в конфликт. Как правило, главной причиной противостояния дяди и племянника называется желание получить Киев и возглавить правящую династию, хотя данный тезис был частично оспорен еще А.Е. Пресняковым, подчеркнувшим важную роль в противостоянии «обид» и «поруки чести» Юрия [2, с. 84–85]. Важно, что столь часто цитируемый⁹ его укор Изяславу *«старѣишньство еси с мене сняль»* [7, стб. 380], касающийся соблюдения княжеской субординации, представлен в конце перечня личных претензий дяди, приведших к агрессии с его стороны, то есть в летописных словах Юрия это не цель «борьбы», а один из индивидуальных поводов для мести.

Почва для столкновения дяди и племянника готовилась еще во времена правления Всеволода Ольговича, который решил передать Киев своему брату, что шло вразрез как с пожеланиями части киевлян, поддерживавших линию Мономаховичей, так и с чаяниями членов многих линий Рюриковичей – в том числе братьев Изяслава и Владимира Давыдовичей. Изяслав Мстиславич изначально имел мало шансов на победу из-за своего молодого возраста и невысокого положения в порядке старшинства. Именно поэтому с самого начала он стал максимально широко привлекать на свою сторону крупных и не очень политических игроков, желая окружить себя плотным кольцом поддержки.

Изяслав впервые применил новую тактику использования иностранной силы. В отличие от предыдущих рейдов Пястов на Киев в поддержку близких им русских князей, он использовал вооруженные силы польских и венгерских сторонников значительно более тонко и предусмотрительно: летописец указывает, что Изяслав заранее предупредил киевлян о безопасности приближения венгерского корпуса, устроил совместные русско-польские развлечения: верховые поединки и торжественные посвящения в рыцари боярских сыновей [7, стб. 386, 410, 416].

Важно, что в этом конфликте неоднократно именно польские и венгерские союзники Изяслава брали на себя функцию его медиатора и занимались делом примирения сторон [7, стб. 387, 461–462], что, вероятно, было предусмотрено заранее, несмотря на то, что каждый раз летописец обрисовывает акт предложения мира как неожиданный, причем в такой же ситуации – третьей стороны, примиряющей стороны в затянувшемся конфликте, находились ранее в Польше и русские князья [7, стб. 318]. Новаторская и продуманная, тонкая политика Изяслава позволила ему усилить свои изначально неустойчивые позиции.

Смерть в 1147 г. первого конкурента Изяслава, который действительно был готов бороться за Киев, – Игоря, была, по-видимому, не только концом всех надежд для Ольговичей, но и неожиданностью для киевского князя: соперник, на которого он ориентировался, исчез, его брат Святослав разбит, и именно в этот момент торжества наиболее острыми становятся давние несогласия Изяслава с его молодым дядей – единокровным братом отца, Юрием Владимировичем. Их противостояние началось еще в период правления Ярополка [20, стб. 310] и продолжилось на севере: *«се стръи мои Гюрги из Ростова обидитъ мои Новгородъ и дани от нихъ отоималъ, и на поутехъ имъ пакости дъеть»* [7, стб. 367]¹⁰, одно из требований Изяслава в момент примирения – возврат этих новгородских даней [7, стб. 387].

Итак, Святослава и Юрия (а впоследствии и галицкого князя Владимира Володаревича, традиционно находившегося в оппозиции к киевскому князю) на начальном этапе противостояния объединяло именно наличие общего врага: ситуация сводит их вместе – в отличие Изяслава, который сам конструирует костяк своей коалиции. Если мы обратимся к летописным свидетельствам, то увидим, что важнейшая мотивация участия Святослава и Юрия в военных действиях – месть. Святослав был связан обязательством освободить, а затем отомстить за смерть брата Игоря (*«ни волости хочю, ни иногo чегo, развъ толико поустите ми брата»* [7, стб. 329]¹¹; Юрий – позорным изгнанием сына: *«[Ростислав Юрьевич] ...насъ есть обеществовалъ, а поиди на нь». Гюрги же в соромъ сына своего сжаливъ собъ, рече: «Такo ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли и моимъ дѣтемъ!»* [7, стб. 373–374].

Личный характер участия в конфликте и стал определяющим фактором в выборе социального взаимодействия: оба князя – Святослав и Юрий – не имели общих интересов вне него, в то время как Изяслав, приближая к себе союз-

ников, создавал основу для последующих политических шагов. В отличие от племянника, стремившегося притянуть к себе любые фигуры и увеличить свою коалицию количественно, и Юрий, и Святослав были достаточно сильны, осознавая себя как достойных потомков родоначальников отдельных линий Рюриковичей, и выстраивали свои отношения, подчеркивая достоинство каждого и собственное равенство.

При видимой разнице характера использования родовой лексики, другие социальные практики, направленные на укрепление отношений внутри каждого из союзов, тождественны. Обе коалиции устраивали совместные пиры, обменивались богатыми дарами [7, стб. 368–369, 339–340], устраивали браки близких родственников, один правитель отправлял к другому на время своего сына¹².

Интересующий нас конфликт не только не может быть рассмотрен как яркий пример средневековой межклановой борьбы, но, наоборот, он отличался тем, что представители каждой из линий Рюриковичей оказались по разные стороны баррикад, руководствуясь личными мотивами: мести или выгодой. Это положение хорошо иллюстрирует участие в ней братьев Изяслава и Владимира Давыдовичей, которые по родству были близки Ольговичам как потомки Святослава Ярославича. Примкнув к лагерю Изяслава Мстиславича, они не только получили земли Ольговичей, но и основательно разграбили дворы погибшего Игоря и Святослава, пока последний передвигался с войсками, что, разумеется, не уменьшило число претензий противников друг к другу. Действия Давыдовичей показывают наиболее характерную позицию для союзников Изяслава: связывая с наиболее успешным лидером собственное продвижение и обогащение, отворачиваясь от него из-за обязательств кровного родства, в наиболее острые моменты противостояния они колебались, к кому примкнуть, а в битве при Руте два брата разделились, Владимир Давыдович, вставший на сторону Юрия Владимировича, в ней и погиб. Такое же положение занимал и племянник Святослава Ольговича (по отцу) и Изяслава Мстиславича (по матери), Святослав Всеволодич, колеблясь в выборе – к какому дяде примкнуть (*«Святославъ же не хотяше отступити от оуя своего Изяслава, но неволею гъха, строя своего дгъля Святослава Олговича»* [7, стб. 377]). Кроме того, Изяславу удалось переманить из лагеря Юрия его сына Ростислава, брата Вячеслава, а в особенно тяжелый момент – и самого Святослава Ольговича.

Итак, альянс Юрия, Святослава и галицкого князя Владимира Володаревича был построен

на дружбе по необходимости: их объединял общий враг, к которому у каждого имелся список личных претензий. Следовательно, основной социальной тактикой его участников стало поддержание баланса сил, демонстрация равенства, что выражалось в сдержанности формулировок, содержащих термины родства. Текущий конфликт был только эпизодом в политической карьере каждого князя, в любой момент могла произойти смена расклада: противники могли стать друзьями и наоборот, поэтому данные связи не имели шанса стать частью более сложной социальной структуры, что и подтверждается лаконичностью и сдержанностью в применении терминов родства. Союзники использовали их с большой осторожностью: галицкий и черниговский князья все же были уже очень далеки Суздалью и постоянное использование метафоры родства выглядело не столь уместно.

Лагерь Изяслава Мстиславича в этом смысле был полной противоположностью союзу Юрия, так как большего разнообразия форм использования родовой лексики в обращениях и договорных оборотах нет ни в одном летописном описании. Конечно, это связано и с тем, что в Киевской летописи деятельность киевского князя представлена более подробно. Он выстраивал свою коалицию принципиально иначе – не как «дружбу поневоле», а как основу для дальнейших действий, последовательно настраивая довольно сложный механизм взаимодействия, расширяя ее состав и используя все возможности по созданию дополнительных связей и усилению обязательств между ее членами.

Более удачного инструмента, чем родовая лексика, для выполнения этой задачи трудно придумать, так как именно термины родства семантически тесно связаны с представлениями о единстве (различные формы фратрий и братств – от воинских до религиозных) и принципах взаимопомощи, а прежде всего – с необходимостью мести за родственника. Например, статьи о кровной мести Краткой и Пространной Правд [23, с. 104, 70, 104, 123] приводят список родственников мужского пола, имеющих право на мечь; клятва побратимов в исландских сагах также опирается на обязательство мести [22, р. 776]. Изяслав постоянно педалирует идею родства, используя несколько обращений *брат* в одном послании¹³ или несколько терминов родства подряд («*брат ваю, а мои отць тако рекль*» [7, стб. 331]; «*Всеволода есми имгль въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять, старгы мене яко отць*» [7, стб. 323]), различные обороты, содержащие родовую лексику, в т.ч. договорные формулы, использующие сравнения по отношению к ближайшим

союзникам («*Богъ ти помози, брате, оже нам еси тако помогль, толико может такъ оучинити братъ роженгыи, или сынъ отцью, како же ты нама еси оучинилъ*» [7, стб. 420]; «*быти всимъ за одинъ братъ*» [7, стб. 366]), тем самым словно напоминая об обязательствах тем политическим фигурам, которые находились в состоянии выбора между тем, чтобы держаться крестоцелования, выждать или присоединиться к противникам.

Можно видеть, что ту же лексику используют и союзники Изяслава между собой. Его активная позиция, открытость к новым контактам и изобретательность в поиске поддержки стимулируют киевского князя к взаимодействию с ближайшими союзниками и даже родными сыновьями своего главного противника – Юрия Владимировича. Хотя отношения, которые формируются между союзниками Изяслава Мстиславича, характеризуются многообразием и изобретательностью использования родовой лексики в диалогах, мы не встретим в них слово *господин*, что также подчеркивает горизонтальную направленность связей. Именно этот термин наиболее часто используют в паре с термином родства союзники нового лидера уже последующего исторического периода – Всеволода Юрьевича. Властолюбие Всеволода, его любовь к инициации конфликтов отмечали не только историки, но даже сам летописец в ходе изложения событий [7, стб. 685]. Как и Изяслав, Всеволод стремился сконструировать вокруг своей фигуры устойчивую коалицию, хотя на время его активной деятельности приходится не «добрая война», а «худой мир».

Речи и переписка других Рюриковичей с Всеволодом сохранились как в Киевской (в составе Ипатьевского списка), так и в Суздальской (в составе Лаврентьевского списка) летописях, поэтому источниковая база представлена лучше, чем в предыдущем конфликте. Обращают на себя внимание несколько кардинальных отличий: большинство речей, приведенных в летописном тексте и содержащих родовую лексику, обращены к самому Всеволоду, а не исходят от него (таких всего несколько). Очевидно, это связано с местом внесения этих речей в текст летописи, где находился сам получатель.

В подавляющем большинстве таких посланий Всеволод называется *отцом господином*. Так Всеволода именуется племянник Владимир Ярославич в прямом обращении (стб. 667), Роман в диалоге с Рюриком [20, стб. 419], рязанский князь Святослав Глебович [20, стб. 402] (в еще одном послании от Глебовичей – [20, стб. 387]) и даже посольство новгородцев [20, стб. 415]. Обращения, сохранившиеся в посла-

ниях, включенных в различные летописные тексты, указывают на то, что союзники, иницируя переговоры с Всеволодом, который, в отличие от Изяслава, ориентировался на вертикальную модель построения союза, понимали, что предпочтительно использовать именно эту форму. Если для Изяслава власть обозначала организацию социального пространства, то для Всеволода – контроль над ним.

Взаимодействие противников

Родовая лексика – важный элемент взаимодействия не только внутри союзнического лагеря, но и между противниками. Нужно отметить, что многие диалоги между враждебно настроенными князьями в принципе лишены как терминов родства в роли обращений, так и каких-либо оборотов, содержащих родовую лексику – например, в требованиях Святослава Ольговича и Юрия Владимировича к Изяславу Давыдовичу уступить Киев Юрию [7, стб. 478]. В сравнении с ними, те диалоги лидеров противоборствующих коалиций, в которых она присутствует, выглядят значительно более искусно выстроенными и, очевидно, имеющими значительно больше шансов на успех.

Изяслав последовательно употребляет обращение *брат* и к Юрию Владимировичу [7, стб. 394]¹⁴, и к Святославу Ольговичу [7, стб. 376], формулировки этих посланий предельно четкие, без дополнительных терминов или завуалированных метафор, что подчеркивает деловой характер диалога. Очевидно, их следует понимать как показатель того, что диалог – не формальность и мирный исход возможен, но его участники не стремятся демонстрировать излишнюю заинтересованность, которая могла бы быть расценена как слабость. Любопытно, что, неоднократно называя *врагом* Святослава [7, стб. 344], Изяслав стремится закрепить с ним договорные отношения, тут же именуя *братом* [7, стб. 376], в то время как мирное предложение со стороны Юрия не принимается уже самим киевским князем [7, стб. 380].

Когда начинается работа тех, кто специально был вовлечен в диалог с целью разрешить конфликт и завязать мирные отношения (как в случае с иностранными союзниками Изяслава Мстиславича), число и разнообразие использования родовой лексики значительно возрастает. Не имея личных интересов в распре, польские и венгерские сподвижники Изяслава не должны быть сдержанными, и они используют значительно более развернутые языковые формы. Обращаясь к Юрию и его брату Вячеславу, они говорят: «*вы намъ есте въ отьца мѣсто*», а

Изяслава называют по отношению к дядьям *братом и сыном* [7, стб. 387]: это сочетание, во-первых, усиливает идею родства, заложенную в послании, которое призывает установить мир между родственниками, а во-вторых, делает позицию Изяслава менее определенной, чем если бы они применили только один из них¹⁵.

Еще в одной попытке примирения в хронологически более позднем конфликте появляется тот же термин *брат и сын* – так называет Святослав Всеволодич Всеволода Юрьевича: «*Брате и сыноу, много ти есмь добра творилъ и не чаялъ есмь сякого возмедья от тебе, но же еси оумьслилъ на мя зло и ялъ сына моего, не далече ти мене искати, отстоупи дале от рѣчкы тогъ, даи ми поуть*» [7, стб. 619]. Этот случай вызывает особый интерес, так как здесь обращение *сын*, часто интерпретируемое исследователями как снисходительное, используется по отношению к более сильному сопернику, старшему по счету родства (но младшему по возрасту) и полностью владеющему ситуацией. Как правило, это обращение рассматривают как выпад со стороны Святослава, который тем самым стремился показать свое превосходство, поставить Всеволода в положение «вассала» [2, с. 93]. Однако статусы князей в данной ситуации диаметрально противоположные: некоторое время назад Всеволод захватил сына Святослава, Глеба, после чего черниговский князь совершил ряд эмоциональных непродуманных действий, например, напал на ничего не подозревавшего Давыда Ростиславича [7, стб. 615].

Наконец, собрав войско и начав наступление на Всеволода, Святослав хотел вынудить его вернуть Глеба, но неудачный рельеф берега реки не позволял войскам сблизиться. Именно тогда Святослав отправил свое послание, в котором предлагал мир или битву, а также укорял Всеволода и напоминал о былой дружбе. Если бы он начал свое послание с выяснения вопроса о том, кто из двух Рюриковичей выше с точки зрения иерархии, или фразой, демонстрирующей то, что он поставил себя выше Всеволода, последующие пояснения были бы неуместны, ведь суздальский князь уже должен был послушаться Святослава как старшего.

Мы видим, что цель этого высказывания – заставить Всеволода раскаяться и отпустить Глеба или принять бой, а вовсе не выполнить приказ правителя, имеющего более высокий статус, то есть здесь обращение *брат и сын* подчеркивает идею родства (а выбранная форма наглядно отражает запутанность реальных связей). Это приветственное обращение было, очевидно, не сиюминутным решением, и закрепилось в отношениях именно между этими князьями.

ями: уже после примирения в диалоге о совместном походе на волжских болгар Святослав использовал его же («*Даи Богъ, брате и сыноу, во дньи нашгъмь намъ створити брань на поганья*» [7, стб. 625]). Мир между князьями был закреплен браком Мстислава Святославича с сестрой жены Всеволода.

Пленение сына противника – один из распространенных инструментов княжеской политики XII в. Ровно в такой же ситуации оказался и сам Всеволод Юрьевич, вынужденный начать переговоры после захвата Мстиславом Мстиславичем его сына Святослава, и здесь в прямой речи также появляется именование *сыном*. Новгородская первая летопись в свойственной ей манере кратко передает суть событий, и в том числе предложение Всеволода Мстиславу: «*Ты ми еси сынъ, а язъ тьбе отецъ; пусти Святослава съ мужи, и всъ, еже заседель, исправи; язъ гость пускаю и товаръ*» [14, с. 51]. Этот инцидент ситуационно схож с предыдущим: отец предлагает захватившему его сына князю мир и называет *сыном*. Конфликт быстро разрешается миром и свадьбой: княжеский сын возвращается к отцу, а затем организуется брак между Ярославом Всеволодовичем и дочерью Мстислава¹⁶.

Слова Всеволода Мстиславу «*ты мне сын, а я тебе отец*» семантически перформативны, цель предложения Всеволода – мир, обмен заложниками и возврат захваченного; очевидно, использование слов *сын* и *отец* определялось возрастом фигурантов; как можно видеть, этот момент также чрезвычайно неудачен для выяснения вопросов княжеской иерархии. Вероятно, оба рассмотренных диалога готовили почву для последующих свадебных предложений¹⁷.

Подозрение в измене и расторжение союзнических отношений

Обычно князья покидают лидера, с которым уже нет смысла связывать надежду на реализацию собственных целей, просто прекращая диалог, часто при этом задерживая послов, как, например, сделал Святослав Ольгович, сначала вынужденный вступить в союзнические отношения с Изяславом, а затем получивший новые возможности и договорившийся с Юрием Владимировичем: «*Святославъ же оумолча, ничтоже имъ отвѣча, толико имъ то рече: «пойдите в товаръ своя, а опять вы звооу», и держа послы недглю, а сторожи постави от товаръ ихъ – да бы к нимъ никтоже не пришель»* [7, стб. 375]. Но нередки и такие ситуации, когда глава коалиции начинает подозревать одного из своих союзников в двойной игре или даже в шпионаже. Можно выделить не-

сколько таких эпизодов, типологически близких между собой.

Обвиняя в предательстве сына Юрия, Ростислава, пришедшего к Изяславу ранее, киевский князь предъявляет ему обвинения, неоднократно используя при этом обращение *брат*, подчеркивающее деловой характер диалога и реальные родственные связи (Ростислав и Изяслав были кузенами) [7, стб. 372]. Несмотря на то что оба князя находятся рядом, недалеко от Выдубицкого монастыря, Изяслав велит поставить княжичу шатер, куда послания Изяслава передают его мужи. В своей оправдательной речи Ростислав называет Изяслава *братом и отцом*, акцентируя идею родства, что должно было подтвердить искренность собственных слов и намерений – Изяслав выделил Ростиславу города, как это должен был сделать отец, включил его в активную структуру своего военного альянса, как, опять же, поступил бы родитель.

Хотя сын Юрия был, очевидно, младше киевского князя, он не мог назвать Изяслава просто *отцом*, так как его родной отец был в добром здравии, но употребление этого слова в паре с термином *брат*, по всей видимости, представлялось допустимым. Не удовлетворившись ответом Ростислава, он отправил его в лодке с ближайшими людьми к отцу, а дружину и имущество оставил в Киеве [7, стб. 373], что стало причиной нового витка конфликта¹⁸.

Такая же ситуация случилась сразу после начала правления в Киеве Мстислава Изяславича, когда под подозрение в проведении враждебной политики попал его младший (единокровный) дядя, Владимир Мстиславич (*Матешич*, сын мачехи). Диалог между князьями происходил в Печерском монастыре, причем князья находились в разных кельях, а послания передавались через послов (речи Владимира передавал дьяк Имормыж), чья функция имела важное юридическое значение: помимо носителей информации, они выступали свидетелями достоверности посланий и гарантами выполнения обязательств.

Деловой и сухой характер взаимодействия, как и в предыдущем случае определил выбор обращений: дядя и племянник называли друг друга *братами* без каких-либо дополнительных слов [7, стб. 535]. Выбор такого термина представлялся логичным, так как возраст князей был приблизительно одинаков и оба они в течение длительного времени тесно взаимодействовали в политической коалиции отца Мстислава, Изяслава.

Еще одна ситуация, когда лидер коалиции укоряет своего союзника, описана в Лаврентьевской летописи и приходится на третью четверть XII в.: Всеволод Юрьевич с гневом обра-

тился к ранее просившему его о помощи рязанскому князю Святославу Глебовичу, из-за действий которого воины суздальского князя попали в плен. Как уже говорилось, Всеволод выстраивал свое взаимодействие с союзниками, значительно в большей степени ориентируясь на вертикальную схему взаимодействия. Подавленный неудачным стечением обстоятельств и испытывавший страх, Святослав Глебович использовал в обращении сразу три термина подряд: «...они же слышавше, оже хочеть ити на нь Всеволодъ, послаша к нему глаголяще: «ты отць, ты господинъ, ты братъ, гдѣ твоя обида будетъ – мы переже тебе главы свои сложимъ за тя» [20, стб. 402]. Это обращение не только беспрецедентно для Лаврентьевской летописи (очень скудной на упоминания терминов родства и приведение княжеских договоров в принципе), но и необычно для летописных текстов, повествующих о событиях конца XII в., так как в этот период лапидарные языковые формы повсеместно занимают место сложных и витиеватых структур, характерных для 1146–1155 гг. Вероятно, именно сложность ситуации – а, в первую очередь, неравенство сторон – вызвали к жизни уже практически забытые формулировки. Обращает на себя внимание, что здесь, как и в первом из рассмотренных случаев, князь, который оправдывается перед более сильным союзником, использует пару *отец, брат*.

Начало нового витка развития конфликта также может быть маркировано использованием терминов родства. На завершающем этапе конфронтации Изяслава и Юрия галицкий князь Владимир Володаревич, принужденный к миру, употребляет обращение *брат* в речи, отрицающей какие-либо обязательства, с перечнем обвинений: «*брате, извермениль еси на мя, и короля еси на мя възвелъ, но оже буду живь, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю*» [7, стб. 462]. Этот пример показывает, что термин *брат* не всегда обозначал союзника, даже в самом широком смысле слова, как он порой объясняется. Дипломатический язык домонгольской эпохи отличался большой пластичностью; вероятно, здесь Владимир Володаревич использует это обращение саркастически или же «возвращает» именование Изяслава *братом* галицкого князя, примененное его послом Петром Бориславичем: «*и рече ему Петръ: «княже, кръсть еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловать...»*».

Статика мирного взаимодействия

Периоды относительного спокойствия в домонгольскую эпоху, как правило, связаны с

реализацией стратегии наиболее могущественных князей соблюдать баланс сил, где умение вести переговоры наиболее существенно. Ярким примером служат отношения между Рюриком Ростиславичем, Святославом Всеволодичем и Всеволодом Юрьевичем в конце XII в. Мирному взаимодействию препятствовал целый ряд сложностей и разногласий, среди которых и давняя вражда между Ольговичами и Мономашичами, и упомянутая склонность Всеволода Юрьевича к созданию напряженных ситуаций. После уступки Рюриком Ростиславичем Святославу Всеволодичу Киева и скрепления мирных и дружественных намерений браками между ближайшими родственниками троих лидеров, мир был достигнут, после чего продолжалась неустанная работа по его поддержанию.

Так как основная часть посланий между этими князьями сохранилась в составе Киевской летописи, то роль киевского князя Рюрика Ростиславича выводится автором на первый план, а те посольские речи, которые были отправлены им или к нему, попадают на ее страницы наиболее часто, однако и те послания, которые мы находим в составе Лаврентьевской летописи, повторяют некоторые их особенности. Например, к своим ближайшим союзникам, Всеволоду Юрьевичу, Святославу и его брату Ярославу Всеволодичам, Рюрик использует обращения *брат* и *брат и сват* [7, стб. 654, 663, 676, 698; 20, стб. 413], что демонстрирует важность укрепления горизонтальных связей; сложные конструкции, содержащие метафору родства, в данных текстах практически не встречаются. В отличие от Изяслава Мстиславича, Рюрик не конструировал вокруг себя социальный костяк коалиции, а стремился поддерживать достигнутый баланс сил, поэтому чрезмерный акцент на родство, наполненные воинской лексикой формулы, воззвания к мести и другие элементы, характерные для речей Изяслава, не только были бы неуместны в большинстве случаев, но и могли повредить ситуации.

Сохранение текущего положения дел было важной целью политических игроков в случае непредвиденных ситуаций, как правило, связанных с резким изменением силового расклада, например, в результате удачных боевых действий, когда правитель, находящийся в городе, не успевал покинуть его до входа враждебных войск. В такой ситуации оказался Глеб Юрьевич после внезапного прихода Изяслава Мстиславича в Пересопницу. Глеб пытался не ухудшить ситуацию и в диалоге с киевским князем он демонстрировал дистанцию от противостояния его отца и Изяслава, применяя устойчивую

формулу, содержащую метафору родства: *«ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць, а язъ ти ся кланяю, ты ся с моимъ отьцемъ самъ вѣдаешъ, а мене поусту къ отьцю»*, отстраняясь от участия в конфликте [7, стб. 395]. Используя метафору отношений отца и сына, Глеб тем самым подчеркивал собственное «меньшее» положение, принадлежность к младшему поколению Рюриковичей, что подразумевает при этом не подчинение более старшей фигуре, а отстранение от ответственности. Схожую фразу можно видеть в послании Мстислава Владимировича, оказавшегося в аналогичном положении, Олегу Святославичу: *«яко мни азъ есмь тебе, шлися ко отьцю моему»* [7, стб. 228].

Другой прецедент, вызывающий к жизни подобные формулировки, – выход из игры одной из ключевых фигур коалиции. Такой случай подробно описан в Киевской летописи: неожиданная смерть Изяслава Мстиславича, лидера альянса, стимулировала конструирование целого ряда новых связей с активным использованием терминов родства. Ближайшие сподвижники Изяслава пытались по-иному выстроить костяк союза, максимально используя те отношения, которые были установлены умершим князем, например, Вячеслав Владимирович предлагал Ростиславу: *«сыну, даю тобѣ, якоже братъ твои держалъ и рядилъ, тако же и тобѣ даю, а ты мя имѣи отьцьмъ и чѣсть на мнѣ держи, якоже и братъ твои Изяславъ чѣсть на мнѣ держалъ и отьцьмъ имѣлъ»* [7, стб. 470–471].

Ростислав Мстиславич отвечал Вячеславу: *«велми радъ, господине отче, имѣю тя отьцьмъ господиномъ, якоже и братъ мои Изяславъ имѣлъ тя, и въ твои воли былъ»* [7, стб. 471], но он использовал при этом новое обращение *«господин отец»*, характеризующее, вероятно, его личные предпочтения и ориентацию на книжную лексику [25, с. 335–336]. Любопытно, что данное обещание поддерживает линию, начатую еще в разгар совместной борьбы против Юрия: *«како мнѣ сынъ, братъ твои Изяславъ, тако ми ты»* [7, стб. 422]. Схожее выражение употребляют оба князя и по отношению к Святославу Всеволодовичу: *«Вячеславъ же посла по Святославу по Всеволодича, река ему: «ты еси Ростиславу сынъ любимъи, тако же и мнѣ, а поеди стѣмо ко мнѣ»* [7, стб. 470]. Ощувив серьезную потерю, выстроенная социальная система стремится нарастить дополнительные связи между элементами, которые должны заполнить образовавшуюся пустоту.

Помимо соблюдения дистанции от основной линии конфликта и перестройки коалиции после смерти лидера, похожие формулировки сопровождают ситуации, в которых предпринима-

ется попытка возродить прерванный конфликтом союз – как, например, в уже рассмотренном нами эпизоде, когда Изяслав и Владимир Давыдовичи возвращаются в лагерь Изяслава Мстиславича и целуют крест *«ворожду... про Игоря отложитъ»* [7, стб. 376]. В схожей ситуации Рюрик Ростиславич пытается возродить дружеское взаимодействие со своим племянником и зятем Романом Мстиславичем, обещая ему: *«и сыномъ имѣю собѣ, якоже и первое имѣлъ»* [7, стб. 688]. *Сын* – устойчивое обращение как к зятю, так и к племяннику, поэтому предложение Рюрика по сути представляет собой призыв вернуть обычный родственный характер отношений.

Выводы

Подходя к обобщению результатов, подчеркнем еще раз, что использование родовой лексики служило в изучаемый период действенным социальным инструментом между княжеского взаимодействия – наряду с такими практиками, как организация совместных пиршеств, обмен дарами, захват в заложники княжеского сына противником или его постоянное присутствие в лагере союзника и т.д. Их практическое применение происходило в рамках ритуальных традиций, выработанных столетиями, а сам процесс использования обладал значительной динамикой и вариативностью. Ключевым умением правителя в эту эпоху стал талант ведения переговоров, и интересующая нас терминология играла в них одну из важнейших ролей. Существенное отличие ее использования в эту эпоху – отсутствие жестких рамок и системности, характерных для княжеских договоров XIV–XV столетий. Тонкий механизм применения родовой лексики в диалогах может быть обобщен лишь на очень поверхностном уровне: важную роль в выборе слова, которое могло быть использовано в качестве обращения или определения отношений, играли реальная родственная связь между правителями и их возраст; как правило, выбор проводился между словами *брат* и *отец* (или *сын*) и между кратким, сдержанным использованием и многоступенчатыми формулировками с двойным и даже тройным использованием терминов родства. При этом одинарное употребление слова *брат* могло обозначать как чрезвычайно уважительное отношение и деловой характер связи (как между Юрием Владимировичем и Святославом Ольговичем), так и откровенно враждебный выпад (как в послании Владимира Володаревича Изяславу Мстиславичу); многосоставные, пышные формулировки – как усиление идеи родства и единства в одном союзе (как в письме

Изяслава и Вячеслава Гезе II), так и состояние страха и подавленности (в ответе Святослава Глебовича Всеволоду Юрьевичу).

Именно следствием индивидуального характера взаимодействия Рюриковичей и их союзников, когда каждый новый политический жест определялся настоящей минутой политической ситуации, стала заметная динамика использования родовой лексики в непрямом значении: в одном и том же эпизоде может встретиться и богатое разнообразие ее форм, и лишь одиночное обращение *брат*. В тексте летописей выделяется целый ряд личных привычек русских князей в применении терминов родства по отношению к ближайшим партнерам. Здесь можно наблюдать и устойчивые сочетания в посланиях одной группы князей. В подавляющем большинстве случаев использование терминов родства было необходимо для установления и поддержания горизонтальных связей и лишь изредка маркировало отношения доминирования и подчинения. При этом нельзя проследить единый вектор поступательного развития в использовании этого инструмента на протяжении интересующего нас времени: одни князья применяли его чрезвычайно активно, затем наступал период забвения, который сменялся новым периодом частого использования, в отличие от постоянного развития самой культуры проведения договоров.

Примечания

1. Существование «договорных отношений» между русскими князьями XII в. прочно вошло в историографию, однако мы можем использовать его лишь условно, так как в источниках соглашения между правителями оформляются как клятвы (крестные целования), относящиеся скорее к сфере ритуальных практик.

2. Например: *Олговичи начаша просити оу Ярополка: «Что ны отць держаль при вашемъ отци – того же и мы хочемъ»* [7, стб. 296]; *...льпши ми того съмьртъ и съ дружиною на своеи отциниъ и на дъдинъ взати, нежелу Коурьское княжение, отць мои Коурьскъ не стьдъль, но въ Переяслави. Хочу на своеи отциниъ съмьртъ прияти* [7, стб. 305]. Именно переданные по наследству отношения к лордам характеризовали многие средневековые общества, особенно в Англии и Ирландии. Томас Чарльз-Эдвардс именуется такой тип взаимодействия *kindly lordship* и подчеркивает его промежуточное положение между данными и искусственно сконструированными связями [8, с. 173]. Конечно, в процитированной выше Киевской летописи речь идет только об отношениях между членами правящего рода, но важно отметить, что представления о социальных порядках, рассмотренных Чарльзом-Эдвардсом, в русских источниках домонгольского периода в чистом виде отсутствуют.

3. Например, Галл Аноним называет Ярослава Владимировича *Ruthenorum rex* [9, р. 21–25].

4. За исключением нескольких случаев обращения по имени.

5. Самым действенным инструментом для скрепления отношений в любом средневековом сообществе являлись браки между представителями разных династий или ветвей одной фамилии, но их количество было по понятным причинам ограничено; кроме того, закладываемая в момент заключения такого союза долгосрочность не всегда отвечала чаяниям политических игроков.

6. Среди исследователей нет единого мнения о том, каким образом эти сведения попали в письменный источник, равно как и о степени их вымышленности (подробнее: [15, с. 80–111; 16, с. 242–275]). В данной работе мы не затрагиваем этот вопрос детально, рассматривая источник в его целостности. Отметим лишь, что устойчивость формулировок, внутренняя логика использования интересующих нас элементов крестоцеловальных речей, их развитие в ходе повествования говорят в пользу исторической достоверности этих элементов.

7. Упоминание *крестных грамот* летописцем часто используется в качестве аргумента в пользу того, что суть княжеских соглашений фиксировалась письменно. В этом споре мы придерживаемся первой позиции Саймона Франклина о том, что данные грамоты были необходимы именно для осуществления процедуры разрыва соглашения, их содержание остается неясным и может не иметь прямого отношения к клятве [17, р. 23–24].

8. Союзники Святослава Ольговича: Иван Юрьевич, Иван Берладник и половцы – называют Юрия его *отцом*: *«и оттоудъ ти ся близъ слати къ отцю своему Гюргеви»* [7, стб. 334]. Здесь вероятно ошибка, если речь идет от лица Ивана Юрьевича (вместо: *«отцу моему»*), но возможно использование данного термина было отражением реального взаимодействия князей, схожим образом Изяслав Мстиславич называл Гезу II *братом*, а тот его *отцом*, при этом оба правителя подчеркивали равенство.

9. «Борьба между ними шла, несомненно, из-за старейшинства» [2, с. 83–85]. Далее автор частично оспаривает этот тезис. В летописных речах Изяслав говорит о том, что признает Юрия старшим: *«всихъ насъ старъи отць твои, но с нами не оумъетъ жити»* [7, стб. 367], правление Изяслава в Киеве входит в число предложенных Юрием альтернатив выхода из конфликта: *«а ты съди църьствоуя в Киевъ»* [7, стб. 380].

10. Юрий продолжал агрессивную политику по отношению к Новгороду на протяжении всего конфликта: *«Иде Гюрги воевать Новгородочку волости и, пришедъ, взя Новъи Торгъ и Мъстоу всю взя»* [7, стб. 339]. Наряду с этой претензией Изяслав ставил ему в вину объединение со Святославом: *«хочемъ поити на Гюргя на стрья своего и на Святослава к Соуждалю, занеже прияль ворога моего, Святослава Олговича»* [7, стб. 344].

11. На том же целует к нему крест Юрий: *«посла-ся Святославъ къ Гюргеви и чълова к нему крсть Гюрги яко искати емоу Игоря»* [7, стб. 332]. Далее из

обвинения Изяслава и Владимира Давыдовичей следует суть их соглашения со Святославом: «ведоуть ты лестью, хотятъ *оубити* либо *яти во Игоря мѣсто*» [7, стб. 345 и далее]. Тот же мотив стал причиной очередного перехода Изяслава и Владимира на сторону Юрия: «*жалъ бо ны естъ братъ своего Игоря, а того есмъ искали, абѣ ты поустилъ брата нашего*» [7, стб. 364], их возврат в коалицию Изяслава был скреплен обещанием отказаться от мести, он требовал и от Святослава Ольговича, чтобы тот «*ворожду... про Игоря отложилъ*» [7, стб. 376].

12. Практика направления сына к ближайшему союзнику на время одной или нескольких военных операций или даже в мирное время подробно представлена в летописях домонгольского периода. Это действие служило показателем очень высокого уровня доверия в отношениях и однозначно маркировало ближайшего союзника. Показательная резкая реакция Рюрика Ростиславича, узнавшего о том, что Святослав Всеволодич, его ближайший сподвижник, отослал своего сына венгерскому королю Беле IV: «*ако еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спровахся – состоупилъ еси рядоу*» [7, стб. 662–663]. Рюрик воспринял это действие как акт агрессии: Святослав с Белой IV организуют союз против него. В целом отправка сына к союзнику очень близка скандинавскому обычаю отдавать ребенка на воспитание в чужую семью. Часто этот обычай рассматривается многими исследователями – в первую очередь, применяющими антропологический подход – как показатель места человека в иерархии: принимающая сторона имеет более низкое положение, чем отдающая [21, р. 99], однако, опираясь на ряд описанных в сагах ситуаций, можно утверждать значительно большую пластичность этой практики, которая чаще служит инструментом для наращивания горизонтальных связей. Например, в «Саге о людях из Лососьей долины» Снорри Годи берет на воспитание ребенка Гудрун [22, р. 1586], что, разумеется, никак не отразилось на его положении. Также и в княжеской среде домонгольской эпохи тот, кто отправлял сына к союзнику, не мог считаться ниже по положению: мы видели, что так поступал Юрий, посылая сыновей к Святославу Ольговичу. Так же поступает и Ростислав, отправляя Романа к Изяславу [7, стб. 439–440, 459]. Сын самого Изяслава ездил с посольством к другому союзнику отца – венгерскому королю Гезе II; вероятно, эти две практики были тесно связаны: княжич при союзнике проходил обучение, наращивал собственные связи и представлял интересы отца, отвечая от его имени.

13. Например: «*и рече ему посоль Изяславъ: «Тако ти молвить Изяславъ **братъ** твои: хръсть есмъ, **брате**, на томъ целовали, оже быти вамъ со мною, а се, **брате**, стръи мои грядеть на мя, а, **брате**, достъваи, какоже Володимиръ достъваетъ»* [7, стб. 374]. Стратегию педалирования идеи братства начинают проводить сам посол, обращаясь к адресату.

14. В первом послании Изяслава мы видим, что, несмотря на наличие двух адресатов в начальной части, переходя к сути, Изяслав обращается только к Юрию – ситуация, характерная для берестяной переписки [24, с. 186–187].

15. Юрий и Вячеслав поддерживают начатую союзниками Изяслава линию и по отношению к каждому из адресатов используют особый термин родства: «*Вячеславъ же и Гюрги тако рекоста: Богъ помози зятю нашему королеви и братоу нашему Болеславу и сынови нашему Индриховъ*» [7, стб. 388].

16. Впоследствии уже Мстислав называл своего зятя Ярослава Всеволодовича *сыном*, предлагая мир [14, с. 54].

17. Для сравнения: летописец называет Вячеслава *братом* и *сватом* Владимира еще до женитьбы сына последнего на его племяннице [7, стб. 393]. Вероятно, принятая среди свойственников терминология могла использоваться сразу после принятия соглашения о свадьбе.

18. Нельзя исключать, что и сам приезд Ростислава Юрьевича к Изяславу в Киев, показанный в летописи как эмоциональное решение, был задуман в качестве попытки примирения двух Мономашичей. Как следует из дальнейших диалогов, Юрий был готов смириться с тем, что Изяслав правит в Киеве, если бы его сын также владел «частью Русских земель» (например, Переславлем) [7, стб. 366, 374, 380].

Список литературы

1. Sørensen P.M. *Saga and Society: An Introduction to Old Norse Literature* / Trans. by J. Tucker. Odense: Odense University Press, 1993. 193 p.
2. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 632 с.
3. Althoff G. *Family, Friends and Followers. Political and Social Bonds in Early Medieval Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 195 p.
4. Althoff G. *The Variability of Rituals in the Middle Ages // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography* / Ed. by G. Althoff and others. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 71–85.
5. Hermanson L. *Introduction // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe c. 650–1350*. / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Turnhout: Brepols, 2015. P. 1–40.
6. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Древняя Русь. Очерки политического и социального строя*. М.: Индрик, 2008. С. 148–267.
7. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998. 938 с.
8. Charles-Edwards T. *Anglo-Saxons Kinship Revised // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century* / Ed. by J. Hines. San Marino: The Boydell Press, 1997. P. 171–210.
9. Galli Anonymi *Chronicae et Gesta Ducum sive Principum Polonorum // Monumenta Poloniae Historica, Nova Series. T. 2* / Ed. K. Maleczyński. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1952. 318 p.
10. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Астрель, 2003. 443 с.
11. Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в.

(в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания исторического общества при Императорском московском университете. Т. 2. М., 1898. С. 211–285.

12. Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 11–76.

13. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.

14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 576 с.

15. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 555 с.

16. Вілкул Т.Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кнївського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. 517 р.

17. Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. Vol. 60. 1985. No. 1. P. 1–38.

18. Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200. Leiden; Boston: Brill, 2019. 282 p.

19. Лавренченко М.Л. Древняя Русь. «Быти всѣм за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 43–75.

20. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.

21. Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland. Oxford: Oxford University Press, 1985. 285 p.

22. Íslendinga sögur og þættir / Ed. by V. Halldórsson. Reykjavík: Svart á Hvítu, 1987. 2349 p.

23. Правда Русская. Т. 1: Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 505 с.

24. Гишпиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М.: Русские словари, 2004. С. 183–235.

25. Факкани Р. Graeco-Novgorodensia. I (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 329–338.

KINSHIP TERMS IN THE POLITICS OF ANCIENT RUS'

M.L. Lavrenchenko

The article presents the results of systematizing the cases of artificial usage of the kinship terms in the Old Russian Chronicles of the pre-Mongolian period, including those in relation to political allies, between the leaders of the two alliances in the conflict, in the period of peaceful interaction, etc. The application of the words *father*, *brother*, *son* when addressing political figures reflects dynamics and variability of the Old Russian social life and the general tendency towards constructing and strengthening horizontal ties. Judging by the texts available, many princes had their own personal habits regarding kinship terms usage: some used them very sparingly or, on the contrary, quite extensively, which gives us additional clues to reinterpreting the long studied conflicts of pre-Mongolian time.

Keywords: terms of kinship, artificial kinship, social practices, ritual studies, Kievan Codex, Laurentian Codex, Novgorod First Chronicle.

References

1. Sørensen P.M. Saga and Society: An Introduction to Old Norse Literature / Trans. by J. Tucker. Odense: Odense University Press, 1993. 193 p.

2. Presnyakov A.E. Knyazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus'. М.: Nauka, 1993. 632 s.

3. Althoff G. Family, Friends and Followers. Political and Social Bonds in Early Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 195 p.

4. Althoff G. The Variability of Rituals in the Middle Ages // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography / Ed. by G. Althoff and others. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 71–85.

5. Hermanson L. Introduction // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe c. 650–1350. / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Turnhout: Brepols, 2015. P. 1–40.

6. Gorskij A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. Knyaz' i boyare: klyatva vernosti i pravo ot'ezda // Drevnyaya Rus'. Oчерки politicheskogo i social'nogo stroya. М.: Indrik, 2008. S. 148–267.

7. Ipat'evskaya letopis'. Polnoe sobranie russkikh letopisej. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998. 938 s.

8. Charles-Edwards T. Anglo-Saxons Kinship Revised // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century / Ed. by J. Hines. San Marino: The Boydell Press, 1997. P. 171–210.

9. Galli Anonymi Chronicae et Gesta Ducum sive Principum Polonorum // Monumenta Poloniae Historica, Nova Series. Т. 2 / Ed. K. Maleczyński. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1952. 318 p.

10. Solov'ev S.M. Istoriya otnoshenij mezhdru russkimi knyaz'yami Ryurikova doma. М.: Astrel', 2003. 443 s.

11. Golyashkin Ya.A. Oчерk lichnyh otnoshenij mezhdru knyaz'yami Kievskoj Rusi v polovine XII v. (v svyazi s vozzreniyami rodovoj teorii) // Referaty, chitannye v 1896 i 1897 godah. Izdaniya istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom moskovskom universitete. Т. 2. М., 1898. S. 211–285.

12. Pashuto V.T. Cherty politicheskogo stroya Drevnej Rusi // Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. М.: Nauka, 1965. S. 11–76.

13. Kolesov V.V. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. Leningrad: Izd-vo LGU, 1986. 312 s.

14. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 576 s.
15. Nasonov A.N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya. M.: Nauka, 1969. 555 s.
16. Vilkul T.L. Litopis i hronograf. Studii z domongol'skogo kiivs'kogo litopisannya. Kiiiv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2015. 517 p.
17. Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. Vol. 60. 1985. No. 1. P. 1–38.
18. Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200. Leiden; Boston: Brill, 2019. 282 p.
19. Lavrenchenko M.L. Drevnyaya Rus'. «B"iti vsĕm za odin brat». Pragmatika terminov rodstva v dialogah Kievskoj letopisi (1146–1154) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014. № 1 (55). S. 43–75.
20. Lavrent'evskaya letopis' // *Polnoe sobranie russkikh letopisej*. T. I. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 733 s.
21. Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland. Oxford: Oxford University Press, 1985. 285 p.
22. Íslendinga sögur og þættir / Ed. by B. Halldórsson. Reykjavík: Svart á Hvítu, 1987. 2349 p.
23. Pravda Russkaya. T. 1: Teksty / Pod red. B.D. Grekova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. 505 s.
24. Gippius A.A. K pragmatike i kommunikativnoj organizacii berestyanyh gramot // *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1997–2000 gg*. M.: Russkie slovari, 2004. S. 183–235.
25. Fakkani P. Graeco-Novgorodensia. I (Pozdneantichnye grecheskie i vizantijskie paralleli nekotoryh formul, vyrazhenij i graficheskikh simbolov novgorodskih gramot na bereste) // *Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy. K 70-letiyu Valentina Lavrent'evicha Yanina*. M., 1999. S. 329–338.